

ТАКАЯ ШТОПАНАЯ ЖИЗНЬ

Весна

Эти голуби-орлы
с подоконника –
со своим курлы-мурлы,
и покойника
поутру в 5.50
воскресят.

Им плевать в конце-концов,
мамкам-папочкам,
что сейчас не до птенцов.
Брошу тапочком:
с подоконников и крыш
наших – кыш!

Завела весна опять
те концертики...
Не пора ли покупать
контрацептики?
Все же лучше прикупить,
чем топить...

* * *

Мне снилось: я – Илья Ефимыч Репин,
рисующий в манере Art Nuvo.
За то, что череп твой великолепен,
я восхвалял дантиста твоего.

Сверкая декольтированной шеей,
как говорится – сделав первый шаг
к взаимности грядущих отношений,
ты предлагала кофе, чай, мышьяк...

Тогда из глубины водоворота –
из самых подсознательных колец –
возникла мысль, что все мужского рода,
поскольку все имеет свой конец.

И я увидел Рай, который словно
Одесса – где платаны и причал...

Спросили:

– Вы из Ровно?

– Нет, из Ковно, –

я ангелам небесным отвечал.

Когда в окне реальность забелела,

я пробудился с криком: помоги!

Болела на заре нога, болела –

как будто оторвали полноги...

Уже взбиралось солнце по канатам,

чтобы окрасить небо цветом blue,

Я понял: я – патологоанатом,

и знаю, почему тебя люблю.

Лирика-3

1

Сокрушенный дневною мукою,
что утроена по ночам,
не хочу в колдовство с наукою –
по ведуньям и по врачам...

Ты не близкая и не дальняя –
и такую ты можешь быть.
Умоляю я: или дай ее –
или дай мне ее забыть...

2

Ты была бесшабашной, шумной...
Но словами, лицом, фигурой –
утверждаешь, что стала умной,
а вот раньше была ты душой...

Изводясь от любовной мании,
об одном постоянно думаю:
в твоём собственном понимании,
ты не раз ещё станешь душой.

3

Я тебе интересен, почти родной,
и любовь моя без эрзаца,
потому, что и ты – это три в одной,
от такого не отказаться.

Ты вернешься ко мне не любя? Любя!
Не сейчас – так немного позже...
Потому, что стихи рождены от тебя,
и они на тебя похожи.

* * *

Еще недавно говорил: «Виват,
моя любовь! Прорвемся мы, поверь мне –
сквозь многие года, по меньшей мере...»
И я был прав, но в чем-то – виноват...

Не из-за романтических утех
извелся, исстрадался, износился?
Смешно, просил любви – и допросился...
И вот она не там, и не у тех.

Она меня убила. Много раз –
как поп собаку... Что сказать – сурово...
Спроси: хочу я возродиться снова?
Спрошу: а будет лучше, чем сейчас?

* * *

Мне главной роли не играть...
Уже страдал, уже лечился,
уже могу не умирать,
но жить – еще не научился.

Ведь ты – по сути, инженерю –
мне отвела такую нишу:
понадобисься, позвоню
(нашла по вызову парнишу).

Поверь, что это не по мне, –
но я согласен, как ни странно,
на этой сцене-простыне
исполнить роль второго плана.

Ты не звонишь, но, может быть
(а что с того – нормальный бартер),
вдруг разрешат тебе любить
юрист, психолог и бухгалтер.

И все-таки (на том стою),
факт неотзывчивости странен:
когда в любовь брала свою,
ты знала – я душевно ранен.

Проблемы есть – когда их нет?
Причины есть – всегда бывают...
Но ведь меня-то – убивают!
Кричу, а ты молчишь в ответ.

Некростишья

Чашка кокнулась,
завершив полет.

Кошка чокнулась
и вовсю орет.

Не поможет тут
антидепрессант:
быт – тяжелый труд,
а не детский сад.

Впрочем, этот быт –
далеко не все...
На стене висит
падло Пикассо.

Это кто б ее
резал на куски?
«Баба». Копия.
Рамка из доски.

Долго мучалась,
или вмиг – как тромб?
Жизнь закончилась –
поломался комп.

* * *

А доктор выписал таблетки
от бешенства – по штуке в день...
Держись вдали от табуретки,
чего не надо не надень.

Сам из себя не делай лоха,
несчастный случай – не успех,
о мертвых – хорошо и плохо,
и, в общем, так, как обо всех.

Смотри, как падают орехи –
и от паденья удержишься.
Стишок-стежок – и нет прорехи.
Такая штопаная жизнь.

* * *

Просто так сидим, куда-то едем,
празднуем, кого-нибудь хороним...
чувствую себя большим медведем,
неуклюжим, грубым, посторонним.

Но возникнет Саныч, словно Санта,
краснолицый, и развеет скуку,
с поллитровкой антидепрессанта
протянув мне дружескую руку.

Он-то знает все – про боль в затылке,
и куда деваются подруги,

про грядущий день и кто в округе
собирает марки и бутылки.

Сколько шума из-за этой жизни –
лучшие ученые в запарке...
А Сан Саныч – бог медведя гризли.
Он медведей кормит в зоопарке.

* * *

В нехорошую погоду
люди вышли на природу,
чтобы собирать грибы, –
так столкнулись две судьбы.

Я смотрел и думал: если
было б это – редколесье,
то судьба, судьбу не ждя
убежала б от дождя,

но в хорошую погоду
тут всегда полно народу,
и куда ни ткнешься, так
натолкнешься на бардак.

В жестком пластиковом кресле
я сидел и думал: если
был бы реже этот лес,
ни к кому б никто не лез.

* * *

Утро осеннее – иго монгольское.
Бродит собака-калека...
Муторно вдруг – на душе что-то скользкое:
я не люблю человека...

Время, по-своему, очень не своёское –
время хандры и потерь.
Я четверть века любил человека,
и не люблю вот – теперь.

Холодно-холодно – видишь дыхание? –
не середина июля...
Утро осеннее, утро нахальное,
да и собак не люблю я.

* * *

А если б я в то время был бы себя мудрей,
скорей всего не заводил бы людей, зверей,
обитателей, автомобилей, картин и книг –
чего сегодня нет любимей, к чему привык.

Бродил бы, разводя турусы и без забот,
перечисляя только плюсы своих свобод.
И говорил бы: вот мой выбор – и он таков,
возможно, я отсюда выбыл – но без оков.

А если бы я был серьезней, хватило б сил:
любви бы подлинной и поздней – не попросил.
Где раздавали эти доли – не наверху?
Не говоря уже о боли в душе, в паху...